№ 5. 30-го Января 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта — 1 р., 1-го іюня — 1 р., 1-го августа — 1 р. и 1-го сентября — 1 р.

Продолжается подписка на 1905 г. на изданія „РОДИНА“

ѢЗДА ЗИМОЙ ВЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ. Оригин. рисун. С. Кіевскаго.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

Графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

IX.

ПОѢЗДЪ КНЯЗЯ, выѣхавшій по старой калужской дорогѣ, двигался довольно успѣшно, т. е., быстро, первый день до сумерекъ. Высланные впередъ двое верховыхъ, чтобы заготовить ночлегъ по дорогѣ въ какомъ-нибудь большомъ селѣ, встрѣтили поѣздъ верстахъ въ пятидесяти отъ Москвы и заявили, что привалъ и отдыхъ поневолѣ надо сдѣлать ближе къ Москвѣ, такъ какъ далѣе идутъ все маленькія деревушки, гдѣ и остановиться нельзя.

Незадача и невозможность проѣхать въ первый-же день одну треть пути никого изъ ѣдущихъ отъ князя до послѣдняго поваренка не опечалили, а, напротивъ того, всѣ были очень рады. Съ непривычки всѣ уже устали, а застоявшіяся лошади были совершенно измучены, такъ что кучера заявили единогласно:

— Слава Тебѣ, Господи! А то бѣды-бы не нажить.

Дѣйствительно, лошади всѣ были взмылены и казались настолько уставшими, какъ если-бы прошли безъ передышки болѣе ста верстъ.

Большое село, принадлежавшее графу Разумовскому, было самымъ подходящимъ мѣстомъ для отдыха. Село было богатое, одно изъ любимыхъ гетмана, съ небольшимъ барскимъ домомъ, выстроеннымъ на всякій случай, въ которомъ гетманъ еще ни разу и не бывалъ. На селѣ было нѣсколько такихъ большихъ крестьянскихъ избъ, которыя были на-диво во всемъ округѣ. Было гдѣ отлично переночевать.

Едва только былъ сдѣланъ привалъ, какъ село, конечно, оживилось, всѣ пріѣзжіе разсыпались, чтобы насладиться тѣмъ, чего иные изъ нихъ уже лѣтъ пять-шесть не видали: погулять по нивамъ, овсамъ и покосамъ, послушать жаворонковъ, заливающихся въ синемъ небѣ, добѣжать до ближайшаго лѣска, поискать грибовъ. У этихъ городскихъ жителей поневолѣ, дворни, набранной изъ крестьянъ, была такая горячая любовь къ природѣ, къ деревнѣ, какой они сами не сознавали.

Всѣ, отчасти проголодавшіеся уже, все-таки разсыпались по селу поболтать съ мужиками и бабами или въ ближайшую окрестность, предпочитая поболтаться и погулять, чѣмъ садиться ужинать. На всѣхъ лицахъ—отъ лакеевъ и кучеровъ до самыхъ младшихъ мальчугановъ—была написана безконечная радость. И всѣ повторяли одно и то-же:

— Эхъ! кабы не въ городѣ жить! То-ли дѣло здѣсь!

На вопросы обывателей, хорошо-ли въ Москвѣ живется, весело-ли, лучше-ли, чѣмъ у нихъ, поѣзжане заявляли, что сейчасъ-бы съ радостью помѣнялись.

Князь расположился въ просторнѣйшей и новой избѣ бурмистра и вмѣстѣ съ собою помѣстилъ и Минича.

Черезъ часъ по пріѣздѣ въ большой комнатѣ избы былъ уже накрытъ столъ. Комната переполнилась всякой всячиной изъ повозки и приняла такой видъ, какой никогда, конечно, не имѣла, а князь могъ себя вообразить почти у себя дома, въ Москвѣ. Отъ постели, складныхъ креселъ и до накрытаго стола со своей посудой и серебромъ, даже три иконы, повѣшенныя въ углу,—все напоминало князю собственныя его комнаты.

Плотно покушавъ вмѣстѣ съ Миничемъ, князь тоже пожелалъ полюбоваться тѣмъ, чего давно уже не видѣлъ—деревнею, глушью. Конечно, онъ пригласилъ съ собой на прогулку и Минича, но старый приказный отказался наотрѣзъ, извиняясь, что усталъ съ непривычки отъ дороги, а потомъ отчасти и потому, что не любитъ трущобъ.

— Никогда я въ деревнѣ не живалъ,—заявилъ онъ:—съ рожденія почти безъ выѣзда прожилъ въ Москвѣ, и мнѣ въ такомъ мѣстѣ прямо какъ-то жутко, страхъ какой-то беретъ—пустота какая-то, небо да земля. Заставили-бы меня тутъ жить, я, надо полагать, черезъ полгода отправился-бы на тотъ свѣтъ.

Князь взялъ съ собой своего камердинера Савелія и отправился бродить по селу.

Однако, вскорѣ послѣ захода солнца всѣ поѣзжане уже снова собрались и наскоро поужинали, чтобы раньше лечь спать, такъ какъ на другой день почти съ зарей слѣдовало подняться въ дальнѣйшій путь.

Второй привалъ предполагался въ мѣстечкѣ Ярославцѣ, до котораго оставалось, однако, болѣе шестидесяти верстъ. Подыматься надо было рано, потому что среди дня, отъ десяти до трехъ, надо было остановиться не столько ради обѣда, сколько ради лошадей. День обѣщалъ быть жаркимъ и могъ еще болѣе утомить ихъ, непривычныхъ къ большимъ перегонамъ.

На слѣдующій день, тоже въ сумерки, поѣздъ князя Ягузинскаго былъ уже въ Ярославцѣ. Привалъ оказался тоже удобнымъ. Князь помѣстился въ домикѣ, уступленномъ священникомъ.

Но здѣсь стало очевидно, что придется не только ночевать, но провести и весь слѣдующій день, т. е., потерять болѣе сутокъ, такъ какъ кони окончательно выбились изъ силъ. А впереди предстояло около шестидесяти верстъ пути страшными песками, такъ называемыми „сыпучими“. Въ такихъ сыпучихъ пескахъ колеса экипажей уходили такъ глубоко, что ѣхать было возможно только изрѣдка маленькой рысцой, а большей частью тихимъ тяжелымъ шагомъ. И если всѣ экипажи поѣзда могли-бы болѣе или менѣе быстро двигаться, то огромная колымага князя, хотя и запряженная шестерней великолѣпныхъ лошадей, все-таки еле-еле могла подвигаться, тѣмъ болѣе, что ходъ экипажа, сдѣланнаго за границей, былъ шире колеи.

Отдохнувъ вдоволь и даже немного поскучавъ въ Ярославцѣ, поѣзжане рады были двинуться далѣе. Двигались, конечно, тихо, но благополучно. Однако, среди дня, выбравшись изъ деревушки, гдѣ былъ сдѣланъ маленькій отдыхъ, поѣздъ сразу попалъ въ болотистую мѣстность и грязь. Мѣсто было низкое, топкое и, кромѣ того, очевидно, тутъ прошелъ наканунѣ страшный дождь. Рыдванъ князя, ѣхавшій впереди, пробрался благополучно по болоту не болѣе трехъ верстъ, вступилъ на узкую гать, иначе говоря, въ страшнѣйшее мѣсиво грязи, воды и прутьевъ-хвороста. Прутья скрипѣли и трещали подъ тяжелымъ рыдваномъ. Хворостъ уходилъ подъ колесами глубоко въ топь и вновь на поверхность не появлялся. Рыдванъ качало направо и налѣво такъ, какъ можетъ качать только корабль на волнахъ. Ежеминутно можно было ожидать отъ ушедшаго въ глубь передняго или задняго колеса, что рыдванъ завалится тихонько на бокъ.

Явленіе это было настолько обычнымъ, что, конечно, никто не обращалъ на него никакого внима-

нія, хотя главный кучеръ на козлахъ рыдвана уже пошептывалъ:

— Не застрять-бы...

— Что, старикъ, бѣда? — спросилъ князь.

— Бѣды нѣтъ, коли край не плутовской, — проворчалъ кучеръ.

Еще чрезъ четверть версты ѣзды по гати явилось мѣсто еще болѣе топкое. Выносныя лошади съ форрейторомъ вошли въ грязь выше колѣнъ и отъ неожиданности стали пугливо прыгать. Была минута, что старикъ-кучеръ хотѣлъ остановиться, но подумалъ по-русски: „авось, Богъ милостивъ“. Четверня вступила, въ свой чередъ, въ глубокую топь, но форрейторъ со своими лошадьми сталъ уже нѣсколько выше на болѣе твердомъ грунтѣ, хотя, конечно, тоже глубоко въ грязи. Кучеръ крикнулъ: „выноси“, и хлестнулъ по своей четвернѣ, раздѣляя поровну рѣзкіе удары кнута. Форрейторъ сдѣлалъ то-же самое и оба начали по-своему завывать, или улюлюкать, чтобы помочь шестерику выхватить рыдванъ изъ топкаго мѣста.

Экипажъ въѣхалъ, вода зашумѣла кругомъ, какъ если-бы поѣзжане пробирались черезъ рѣчку вбродъ. Переднія колеса ухнули глубоко, кучерскія козлы оказались лишь чуть-чуть повыше круповъ лошадей, но все-таки колымага двинулась еще шага два. Но когда заднія колеса очутились въ той-же промоинѣ, то грузный экипажъ вдругъ осѣлъ, ухнулъ, а лошади запрыгали на мѣстѣ, не будучи въ силахъ вытянуть его. Форрейторъ началъ нещадно бить своихъ двухъ выносныхъ, но онѣ только швырялись вправо и влѣво. И старикъ-кучеръ закричалъ:

— Стой, олухъ! Дышло сломаешь! Стой!

Не прошло нѣсколько мгновеній, какъ не только кучеръ, но и самъ князь, и всѣ поѣзжане, растянувшіеся сзади вдоль гати, поняли, что будетъ невольный привалъ, который продолжится настолько долго, что и предсказать нельзя.

— Сѣли! — съ ужасомъ воскликнулъ князь, выглядывая въ окошко.

Но старикъ-кучеръ не отвѣтилъ ничего.

— Что-же сѣли, что-ли? — повторилъ князь.

Старикъ что-то проворчалъ, не оборачиваясь, и подумалъ про себя:

„Кто-же его знаетъ? Что я—Господь Богъ, что-ли?“

Давъ вздохнуть лошадямъ около минуты, онъ снова крикнулъ форрейтору, а самъ вскрикнулъ на лошадей:

— А, ну, вы, голубчики! — и захлесталъ кнутомъ.

Правая пристяжная, наиболѣе сильная и ретивая изъ коней, не привыкшая къ кнуту, такъ рванула, что обѣ постромки перелетѣли пополамъ. Главной силы на то, чтобы выбраться, у экипажа уже не было.

— Ну, сѣли! — воскликнулъ князь.

Вся вереница экипажей стала тоже, хотя и могла-бы объѣхать застрявшую колымагу. Предполагалась теперь такая канитель, которая могла затянуться безуспѣшно до ночи, а ночью уже поневолѣ пришлось-бы стоять на мѣстѣ и ждать утра.

Всѣ сразу поняли, въ чемъ дѣло, хотя и были городскими жителями. Колымага князя, застрявъ и стоя на одномъ мѣстѣ, потихоньку осѣдала все глубже, а черезъ минутъ пять была уже погружена въ топь по самыя оси колесъ.

Кучеръ бросился къ лошадямъ и сталъ ихъ быстро выпрягать, такъ какъ и животныя, переминаясь, все болѣе втягивались трясиной, какъ-бы всасывались ею.

Общими усиліями, барахтаясь и утопая въ грязи, удалось выпрячь весь шестерикъ и вывести на твердый грунтъ.

— Неужто капканъ? — воскликнулъ, наконецъ, князь, безпомощно выглядывая въ окно кареты.

— Самый мастерской, ваше сіятельство, — заявилъ кучеръ. — Воры! мошенники! Что дѣлать—безъ нихъ не обойтись: надо на село досылать верхового.

Дѣло было самое простое—князь попалъ въ заранѣе искусно устроенный капканъ. Это былъ промыселъ той бѣдноты-мужичья, которая ютилась около большихъ дорогъ. Всякій застрявшій посылалъ въ сосѣднее село звать народъ. Являлось человѣкъ полсотни и болѣе, при помощи веревокъ вытаскивали экипажъ, стоя отъ него на далекомъ разстояніи на твердомъ грунтѣ, и получали по гривнѣ за хлопоты.

Эти капканы ради заработка были по всѣмъ большимъ дорогамъ вокругъ Москвы, и правительство ничего не могло сдѣлать противъ злоупотребленій.

Большая деревня была въ полуверстѣ и гонцы князя нагнали сто человѣкъ, обѣщая хорошую награду. Предъ наступленіемъ ночи колымага была уже вытащена изъ трясины.

Князь, уплачивая деньги за работу, крикнулъ злобно на кучу мужиковъ:

— Разбойники! Въ Сибирь-бы васъ!

— Родимый! — отозвался старый мужикъ. — Голодъ — не тетка.

X.

Въ лѣвомъ отъ дома флигелѣ, въ верхнемъ этажѣ жили нахлѣбники князя Ягузинскаго, считавшіеся главными и наиболѣе близкими князю. Это были Заваловы, братъ съ сестрой, мелкіе безпомѣстные дворяне, у которыхъ не было ни одной души крѣпостныхъ. Заваловъ былъ пожилой человѣкъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, но на видъ очень бодрый, безъ единаго сѣдого волоска на головѣ, безъ единой морщинки въ лицѣ, по имени Антонъ Тихоновичъ, очень плотный, коренастый и замѣчательный силачъ. И именно этой силой онъ былъ нѣсколько извѣстенъ среди всѣхъ знакомыхъ князя. Когда-то онъ показывалъ удивительныя колѣна и чудеса: останавливалъ на ходу тарантасъ, запряженный тройкой, ухватясь за колесо, гнулъ подкову, свивалъ изъ кочерги буквы, свертывалъ серебряные рубли въ трубочки.

Но какое-то странное „нытье“ въ поясницѣ, приключившееся съ нимъ лѣтъ съ десятокъ назадъ, заставило его прекратить показывать чудеса. Онъ самъ считалъ эту хворость послѣдствіемъ одного изъ его „колѣнцевъ“, въ чемъ, собственно, всѣ съ нимъ и соглашались. Составилось мнѣніе, что Антонъ Тихоновичъ надорвался.

Несмотря на эту боль въ поясницѣ, изрѣдка появлявшуюся, особенно сильно осенью, Антонъ Тихоновичъ все-таки чувствовалъ себя хорошо, и если онъ пересталъ показывать свою силу сплошь и рядомъ чуть не всякій день на потѣху гостей князя, то изрѣдка все-таки позволялъ себѣ „побаловаться“ монетой или кочергой.

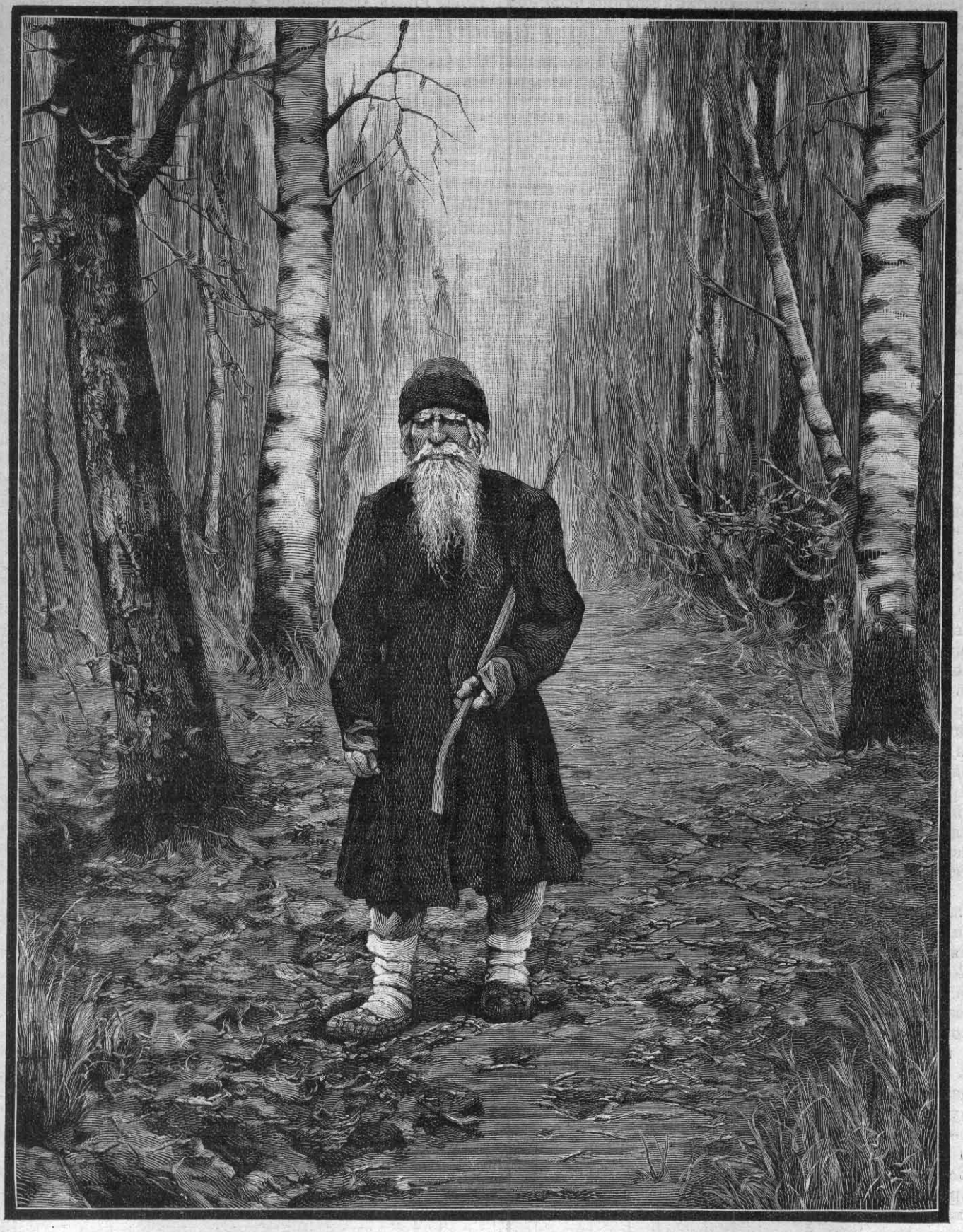
Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ извѣстенъ еще тѣмъ, что всегда въ Крещеніе, послѣ водосвятія и по удаленіи духовенства отъ Іордани, тотчасъ-же купался въ освященной водѣ.

Разумѣется, если онъ могъ безопасно принимать эту крещенскую ванну, то могъ и начать купаться въ Москвѣ-рѣкѣ первымъ изъ всѣхъ московскихъ жителей.

И, дѣйствительно, едва только пройдетъ ледъ по Москвѣ-рѣкѣ, какъ Антонъ Тихоновичъ, по выраженію князя, „открывалъ навигацію“ съ берега сада на ту сторону въ Замоскворѣчье.

Сестра Завалова, пятидесятилѣтняя женщина, была,

ВЕРНУЛСЯ. Оригин. рисун. **Г. Бролинга**; гравир. для „Родины“ **В. Адть**.



ЛѢСНИКЪ. Съ картины А. Д. **Муратова** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ**.

напротивъ, такова на видъ, что ей можно было дать гораздо больше: тщедушная, худенькая и слегка сгорбленная.

Въ этой пожилой годами женщинѣ трудно было-бы угадать прежнюю красавицу. А, между тѣмъ, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, она была извѣстна своей красотой, а знававшіе ее въ семнадцать-восемнадцать лѣтъ увѣряли, что такой писаной красоты никогда не видывали.

Теперь это была испитая и желтолицая женщина. У нея оставалась только очень милая, добрая улыбка, какъ-бы отражавшая ея дѣйствительно безконечную кротость нрава. Единственно, что еще отчасти могло заставить повѣрить, что женщина была когда-то красива, были ея большіе прелестные темно-сѣрые глаза, собственно, какого-то особеннаго сѣраго цвѣта. Про нихъ, именно, можно было сказать, употребляя русскій терминъ, бархатные глаза.

Но если когда-то они были блестящи, полны жизни, то теперь подернулись какой-то дымкой и при этомъ дымкой безысходной грусти.

Анна Тихоновна Завалова перешла отъ юности къ старости не потихоньку, исподволь, она состарилась вдругъ, въ одинъ годъ. Ее надломило горе, которое если теперь не было такое-же жгучее, сильное, какъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ, то все-таки попрежнему лежало на ней гнетомъ.

Когда-то она была хохотунья, а теперь никто не видѣлъ ея смѣющейся, а только кротко улыбающейся.

Съ Заваловыми, братомъ и сестрой, жилъ сынъ Анны Тихоновны, двадцатичетырехлѣтній малый, добродушный и тихій, по имени Никита. Но мать, дядя, а равно князь съ княгиней не иначе звали его, какъ Никуша.

Своей внѣшностью молодой человѣкъ походилъ на дядю: былъ такой-же коренастый, крѣпкаго тѣлосложенія; характеромъ онъ походилъ на мать, главнымъ образомъ, кротостью и сердечнымъ обращеніемъ со всѣми; лицомъ своимъ, оригинальнымъ и красивымъ, онъ былъ живымъ портретомъ самого князя Андрея Григорьевича, какимъ тотъ былъ въ молодости.

Причина была простая — Никуша былъ сыномъ покойнаго брата князя и, слѣдовательно, боковымъ племянникомъ князя. Вдобавокъ Никуша былъ записанъ при рожденіи на особый ладъ: онъ назывался по отцу Григорьевичемъ, а фамилія его была Узинскій, т. е., фамилія его отца-князя безъ двухъ первоначальныхъ буквъ. Разумѣется, въ домѣ всѣ отлично знали, что Никита Григорьевичъ Узинскій — родной племянникъ князя Андрея Григорьевича Ягузинскаго.

Когда-то, лѣтъ тридцать тому назадъ, князь Григорій Григорьевичъ Ягузинскій случайно встрѣтился и познакомился въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, около котораго было его имѣніе, съ молодой дѣвушкой, поразившей его своей красотой точно такъ-же, какъ бывало и со всѣми, кто ее видалъ. Эта красота, соединенная съ необыкновенной кротостью характера, съ чуднымъ взглядомъ удивительныхъ глазъ, съ какимъ-то нѣжно-пѣвучимъ голосомъ, плѣнили и покорили себѣ князя Григорія Григорьевича.

Сойдясь съ молоденькой Анютой Заваловой, князь вскорѣ-же настолько привязался къ ней, что совершенно измѣнился нравомъ, поведеніемъ и привычками. До тѣхъ поръ онъ былъ извѣстнымъ бабьимъ угодникомъ и ухаживателемъ, постоянно влюблялся и постоянно измѣнялъ. Привязанность къ Заваловой была для него самого какою-то новостью, какимъ-то откровеніемъ. Онъ самъ никогда не думалъ, что способенъ такъ серьезно и глубоко привязаться, и ни одной минуты не задумался-бы немедленно сочетаться бракомъ съ обожаемой Анютой. Но онъ былъ женатъ и уже давно. Проживъ съ женой всего два года, князь разъѣхался съ ней и никогда болѣе не видѣлся. И это была единственная женщина на свѣтѣ, которую Григорій Григорьевичъ глубоко ненавидѣлъ. Причинъ на это, собственно, не было, такъ какъ княгиня была женщина не злая, но, вѣроятно, Григорій Григорьевичъ не взлюбилъ ея, какъ обузу, какъ цѣпи, какъ личность, которая мѣшала ему жениться на другой.

Сойдясь съ Заваловой, князь Ягузинскій, конечно, болѣе чѣмъ когда-либо сожалѣлъ, что онъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ сожительства явился на свѣтъ мальчикъ, не очень похожій на князя Григорія, но поразительно похожій на его брата, московскаго обывателя, Андрея Григорьевича.

Князь, при помощи брата, съ которымъ былъ очень друженъ, сталъ хлопотать и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ о расторженіи своего брата. Дѣло протянулось нѣсколько лѣтъ, но не привело ни къ чему: развода добиться было невозможно. Однако, страшно привязанный и къ своей красавицѣ-Анютѣ, и къ маленькому мальчику, князь все-же продолжалъ мечтать, что все-таки когда-нибудь ему удастся добиться развода и жениться.

Анна Тихоновна, не только любившая, но прямо обожавшая, боготворившая своего Григорія Григорьевича, была иного мнѣнія.

— Лишь-бы быть всѣмъ живымъ и здоровымъ и жить въ мирѣ и въ счастьѣ, вотъ что главное, — говорила она.

Однако, въ виду того, что княгиня, жившая гдѣ-то въ Малороссіи, была крайне плохого здоровья и, по всѣмъ вѣстямъ, доходившимъ отъ нея, не обѣщала долго жить, кроткой Аннѣ Тихоновнѣ, никогда во всю жизнь никому не пожелавшей зла, все-таки мерещилась изрѣдка возможность когда-нибудь — можетъ быть, и вскорѣ — сдѣлаться княгиней Ягузинской и при помощи большихъ денегъ устроить такъ, что ея Никуша тоже станетъ княземъ Ягузинскимъ.

Однажды князь Григорій Григорьевичъ сдѣлалъ путешествіе въ Петербургъ и прожилъ тамъ довольно долго, совѣщаясь со всякаго рода приказными строками все объ одномъ и томъ-же самомъ важномъ дѣлѣ его жизни. Эта поѣздка тоже не привела почти ни къ чему. Единственный результатъ пребыванія въ Петербургѣ былъ, собственно, по мнѣнію князя, пустяковый, а, между тѣмъ, эти пустяки, по волѣ судьбы, возымѣли огромное значеніе.

Одинъ изъ друзей князя, хлопотавшій вмѣстѣ съ нимъ и помогавшій ему всячески, утѣшалъ его въ неудачѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣждалъ и, наконецъ, убѣдилъ сдѣлать завѣщаніе.

— Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. И ты, и я — здоровяки, проживемъ еще сто лѣтъ, — полушутя говорилъ онъ, — а все-таки мое завѣщаніе давно сдѣлано и ты сдѣлай. Ну, вдругъ что приключится, помрешь, вѣдь, твоя Анна Тихоновна, да и твой мальчуганъ по-міру пойдутъ.

Князь Григорій Григорьевичъ отвѣчалъ на всѣ доводы друга только смѣхомъ, однако, предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, подъ вліяніемъ какого-то страннаго чувства, вдругъ рѣшился и написалъ нѣчто въ родѣ завѣщанія и, кромѣ того, письмо на имя своего московскаго брата, князя Андрея Григорьевича.

Когда онъ вернулся и разсказалъ объ этомъ Аннѣ Тихоновнѣ, она стала печальной, стала увѣрять, что

не слѣдуетъ дѣлать завѣщаніе, что это приноситъ несчастье, а что, Богъ милостивъ, они проживутъ еще долго на свѣтѣ. Она даже просила князя написать другу и вытребовать оставленное въ его рукахъ завѣщаніе, чтобы уничтожить его.

Князь собирался это сдѣлать, по ея просьбѣ, но откладывалъ. Такъ прошло два года.

Было лѣто. Князь Григорій Григорьевичъ выѣхалъ на тройкѣ въ тарантасѣ въ свой уѣздный городишко, весело прощался съ Анной Тихоновной и съ Никушей и обѣщался быть къ ужину. Но, часа черезъ полтора, въ барскую усадьбу прибѣжалъ мужикъ съ вѣстью, которая переполошила всѣхъ обитателей и отъ которой Анна Тихоновна упала на полъ и провела нѣсколько часовъ въ безпамятствѣ, а когда пришла въ себя, то, по убѣжденію всѣхъ, сошла съума: она болтала скороговоркой что-то непонятное, ходила, какъ безумная, не находя дверей, толкалась объ стѣну и, наконецъ, Анну Тихоновну заперли въ ея комнату.

Произошла катастрофа. Лошади понесли, стремглавъ спустились въ глубокій оврагъ и на косогорѣ все—и тройка, и тарантасъ, и баринъ, и кучеръ—полетѣло съ высоты восьми-десяти саженей на дно оврага. У князя оказалась раздробленной голова, которую придавило кузовомъ опрокинутаго вверхъ колесами экипажа. Кучеръ, также израненный, дышалъ и стоналъ еще около часа, но умеръ тутъ-же, не приходя въ сознаніе. Изъ трехъ лошадей двѣ были совершенно искалѣчены, а третья убита на мѣстѣ.

И если-бы не бумага, оставленная въ Петербургѣ у друга, то, конечно, Заваловы и Никита Узинскій не жили-бы теперь въ домѣ князя Андрея Григорьевича.

Наслѣдовавъ отъ брата, такъ ужасно погибшаго, князь Андрей Григорьевичъ, хотя и могъ „тягаться“ съ боковымъ племянникомъ, но исполнилъ волю покойнаго свято.

Многіе изъ друзей совѣтывали князю „плюнуть“ на прижитаго братомъ „щенка“ и не давать ему ничего, но Андрей Григорьевичъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ. Совѣсть Андреевна не дозволитъ, то бишь — моя.

XI.

Получивъ сравнительно очень большія деньги по времени, Завалова стала богатой женщиной. Братъ, жившій гдѣ-то на границѣ королевства Польскаго, пріѣхалъ и поселился съ ней, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы ходить за ней, такъ какъ Анна Тихоновна, сразу страшно измѣнившаяся, постарѣвшая, была „разумомъ сомнительна“, а многіе даже считали ее полупомѣшанной отъ горя.

Понемногу любовь къ ребенку пересилила горе, и Анна Тихоновна совершенно просвѣтлѣла разумомъ. Она только уплатила злой судьбѣ дань своей красотой и вообще своей внѣшностью, стала худенькой и слабой старухой прежде времени.

Вскорѣ князь Андрей Григорьевичъ, уже начинавшій сильно расшатывать свое имѣніе, уже нуждавшійся въ деньгахъ, вспомнилъ однажды, что у него есть племянникъ, у котораго есть деньги, и тотъ-же Евсѣичъ былъ посланъ къ Аннѣ Тихоновнѣ Заваловой уговорить ее, а главнымъ образомъ—ея брата, дать эти деньги князю взаймы за крайне большіе проценты.

(Продолженіе будетъ.)

СТУДЕНТЪ.

Разсказъ **Михаила Кленскаго.**

I.

Вотъ уже второй годъ, какъ Иванъ Павловичъ Сапожниковъ числится студентомъ. Дорого стоилъ первый годъ студенческой жизни Ивану Павловичу! Стипендіи у него не было, средствъ никакихъ. Рано утромъ ѣхалъ онъ въ институтъ, былъ тамъ часа два и опять уѣзжалъ, конечно, не прослушавъ всѣхъ лекцій. Изъ института онъ возвращался домой переодѣться, а потомъ спѣшилъ въ банкъ, на службу. Надо сказать, что Ивану Павловичу выпало на долю быть заразъ и студентомъ, и чиновникомъ.

Пріѣхавъ въ банкъ, Иванъ Павловичъ садился за большую книгу, разграфленную синими и красными линіями, писалъ въ ней усердно, мало къ кому обращался съ разспросами, но другимъ охотно помогалъ и объяснялъ, если была въ этомъ надобность. Вообще, со стороны видно было, что Иванъ Павловичъ старательно относится къ службѣ. Никто ни разу не замѣчалъ, чтобы Иванъ Павловичъ не приходилъ въ банкъ. Нѣтъ, онъ ежедневно исправно являлся, входилъ только очень запыхавшись, весь красный, такъ что почти не видно было веснушекъ, которыя очень портили его лицо, и безъ того не очень-то красивое.

Иванъ Павловичъ былъ роста выше средняго, довольно худощавъ и нѣсколько сутулый. Продолговатое лицо его было какъ-то безразлично, съ перваго раза не запечатлѣвалось въ памяти и производило на иныхъ даже непріятное чувство. Сѣрые обыкновенной величины глаза его смотрѣли скромно, иногда застѣнчиво, иногда-же проникались пріятной глубиной мысли, чувства и большой энергіей. Въ такія минуты они необыкновенно гармонировали съ не очень высокимъ лбомъ, раздѣленнымъ надвое незамѣтной впадиной, нѣсколько выдающей нижнюю часть его. Гладко причесанные черные волосы придавали его лицу скромное выраженіе своеобразнаго достоинства.

Иванъ Павловичъ зналъ, что онъ не только некрасивъ, но даже многимъ непріятенъ.

«Смотри, какой несимпатичный, неинтересный», — услышалъ онъ однажды.

Это заставило Ивана Павловича почувствовать неопредѣленное недовольство собой. Въ особенности дамы и барышни давали понять Ивану Павловичу, что онъ некрасивъ, и дѣлали это неизвѣстно съ какою цѣлью.

«Зато у нихъ, должно быть, въ головѣ нѣтъ ничего и сердце пустое», — думалось тогда молодому человѣку, при новомъ намекѣ, что онъ неинтересенъ и некрасивъ.

Какъ-то Иванъ Павловичъ пришелъ въ банкъ безъ галстуха. Всѣ служащіе, въ особенности тѣ, которые сидѣли за однимъ столомъ съ нимъ, долго не могли успокоиться отъ смѣха и остротъ, сыпавшихся по его адресу.

— А что, завтра тоже пожалуете безъ галстуха? — спросили Ивана Павловича молодые и франтоватые чиновники.

— Полноте, это такъ со мной... никогда не бывало еще. Самъ не знаю, почему забылъ надѣть галстухъ, — нѣсколько смущенно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ замѣтной досадой сказалъ Иванъ Павловичъ.

— Ну, ладно, ладно... мы только пошутили, Иванъ Павловичъ, — хоромъ заговорили его сослуживцы и быстро заняли свои мѣста, увидѣвъ, что приближается управляющій банкомъ, Кавецкій.

— Зато Ивану Павловичу въ лотереѣ везетъ! — крикнулъ одинъ изъ молодыхъ чиновниковъ, пряча голову за приподнятую на столѣ книгу.

Иванъ Павловичъ вскорѣ послѣ поступленія въ банкъ, по просьбѣ сослуживца, очень любившаго устраивать лотереи, взялъ билетъ и выигралъ велосипедъ. Этому выигрышу Иванъ Павловичъ очень обрадовался, хорошо понимая, какую пользу можетъ принести ему велосипедъ.

Иванъ Павловичъ усердно занимался въ банкѣ, но не любилъ этого дѣла; приходилось изъ кожи лѣзть, чтобы заставить говорить о себѣ. Да и управляющій принялъ его только на время, и это заставляло молодого человѣка дрожать каждый разъ при полученіи жалованья.

Только упорный трудъ могъ удержать Ивана Павловича на этомъ мѣстѣ. Кавецкій не любилъ студентовъ и притомъ придирался къ каждому пустяку: постоянно дѣлалъ замѣчанія, что служащіе долго курятъ, много разговариваютъ и т. д.

Съ каждымъ днемъ Ивану Павловичу все противнѣе была служба, но онъ дѣлалъ это ради родныхъ. Эта служба отнимала самое дорогое время, когда онъ могъ-бы спокойно слушать лекціи, не боясь нисколько за весенніе экзамены. Теперь

НА ПОХОДѢ ВЪ СТАРИНУ. Оригин. рисун. **М. Андреева**; гравир. для „Родины“ **К. Ольшевскій**.

ТАЛМУДИСТЫ. Съ картины академ. **П. Трутнева** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

съ начала учебнаго года прошло всего около двухъ мѣсяцевъ, а Иванъ Павловичъ уже безпокоился о переходѣ на третій курсъ.

II.

Иванъ Павловичъ, сынъ богатаго лѣсопромышленника, получилъ среднее образованіе въ одномъ изъ петербургскихъ коммерческихъ училищъ. Жизнь въ домѣ отца его шла довольно безпечно, хотя дѣла были не очень-то хороши. Это не мѣшало всѣмъ Сапожниковымъ надѣяться на капиталъ, какъ на каменную гору.

Иванъ Павловичъ уже переходилъ въ предпослѣдній классъ, когда во время экзаменовъ скоропостижно умеръ отецъ, и семья получила отъ всего мнимаго богатства только двѣ тысячи. Огромныя лѣсныя биржи перешли къ другому владѣльцу. Послѣ этого тяжелаго удара для осиротѣлой семьи наступила новая суровая, неизвѣстная до тѣхъ поръ, жизнь.

Двѣ тысячи быстро утекли, несмотря на то, что жили очень экономно: въ небольшой квартиркѣ, въ двѣ комнаты, на окраинѣ города. Проживъ деньги, добрались до лишней мебели, оставленной у родственниковъ, но за нее получили гроши.

Иванъ Павловичъ уже давалъ уроки вскорѣ послѣ смерти отца и этимъ поддерживалъ мать, сестру и брата.

Въ домашнемъ хозяйствѣ большое участіе принимала сестра Ивана Павловича, Надя, гимназистка. Ей осталось два года до окончанія курса; училась она хорошо. Несмотря на тяжелую нужду, она твердо, безропотно переносила жизнь. Дома она была всегда весела, умна, умѣла расшевелить мать, когда та начинала хандрить, и вспоминать прежнюю жизнь, покойнаго мужа... Никогда не жаловалась Надя, что у нихъ никто не бываетъ, что сами они ни къ кому не ходятъ. Она очень любила старшаго брата Ваню и помогала ему, чѣмъ могла. Къ младшему брату, Ильѣ, Надя относилась съ большой заботливостью, но тотъ почему-то не любилъ сестры. Надѣ приходилось часто бороться съ привычками матери, которой довольно часто приходило желаніе пожить побогаче.

— Вы, вѣдь,—обращалась мать къ дочери, — не послѣдніе обсѣвки въ полѣ, а дѣти купца Сапожникова, потому и жить должны въ довольствѣ. Да-съ.

И она очень обижалась, когда съ ней не соглашались.

Послѣ службы Иванъ Павловичъ ѣхалъ домой. Надя всегда старалась, чтобы брату все уже было приготовлено къ обѣду. Во время обѣда Надя обыкновенно сидѣла за столомъ, пока братъ ѣлъ, и старалась развлечь его. Но бесѣда не клеилась, потому что къ пяти часамъ Иванъ Павловичъ чувствовалъ себя усталымъ. Пообѣдавъ, онъ уже торопился на вечерніе уроки. Ихъ было достаточно, благодаря вниманію училищнаго начальства, которое не забывало Ивана Павловича и уже съ сентября находило ему уроки.

Домой возвращался Иванъ Павловичъ поздно вечеромъ. Онъ наскоро пилъ чай и только часовъ въ двѣнадцать ложился спать, а въ семь уже вставалъ и торопился, чтобъ не опоздать въ институтъ.

Младшій братъ, Илья, учился въ гимназіи, но былъ исключенъ изъ третьяго класса «за малоуспѣшность». Иванъ Павловичъ просилъ за него, но особенно не настаивалъ, видя, что Ильѣ ни въ какомъ случаѣ не добраться даже и до среднихъ классовъ.

— Проживемъ, Ванечка, у тебя, Богъ дастъ, будутъ уроки. Проживемъ хорошо... — безтолково успокаивала Ивана Павловича мать, когда тотъ волновался за брата, видя, что и дома занятія его подвигаются очень туго.

Ивана Павловича даже злило иногда это тупое самоубѣжденіе, что все обойдется благополучно, что о братѣ очень-то заботиться не стоитъ. Илья, дѣйствительно, былъ совершенно неспособный юноша, о чемъ можно было догадаться по его огромной своеобразной формы головѣ, громкому безпричинному смѣху, по его невыразительной улыбкѣ.

Иванъ Павловичъ хотѣлъ, во что-бы то ни стало, научить Илью русскому языку, исправить его почеркъ и устроить куда-нибудь писцомъ. Съ этою цѣлью, онъ, по мѣрѣ возможности, занимался съ Ильей, заставлялъ его каллиграфически переписывать съ книги, объяснялъ правила грамматики. Илья иногда сидѣлъ за перепиской довольно долго, старательно выводилъ буквы, но онѣ отъ этого не были красивѣе...

Илья очень любилъ переписывать десять заповѣдей. Онѣ почему-то выходили у него лучше. Разъ онъ даже пришелъ къ брату похвастать, раскрылъ тетрадку и, непріятно улыбаясь, проговорилъ:

— Смотри, какъ я вывелъ тутъ. Почеркъ у меня теперь лучше даже, чѣмъ прежде...

Иванъ Павловичъ посмотрѣлъ на то мѣсто тетради, куда показалъ Илья. Написано было чисто, довольно красиво, но зато съ ошибками.

— Эхъ, ты, Илья, Илья... смотри, сколько ошибокъ надѣлалъ. Такъ, братъ, нельзя. Какъ ты «долголѣтенъ»-то написалъ! Выдумать надо — и то такъ не напишешь.

— А это ничего, въ другой разъ не сдѣлаю, — отвѣчалъ Илья.

— Брось, пожалуйста, эти заповѣди. Что онѣ тебѣ дались? Пиши съ книги, которую я тебѣ далъ.

Но, спустя нѣсколько дней, снова появились заповѣди, переписанныя съ другими ошибками.

Никто не повѣрилъ-бы, что Илья могъ добраться до третьяго класса, правда, сидя по два года въ каждомъ классѣ. Впрочемъ, его «перетаскивали», видя, что съ него нельзя требовать даже очень посредственныхъ знаній.

У матери Илья всегда что-нибудь просилъ: то ему нужна тетрадь, то вышли всѣ перья, оборвалась пуговица у блузы — надо пришить. Со всѣмъ этимъ онъ шелъ къ матери. Иванъ Павловичъ не разъ говорилъ брату, чтобы онъ самъ покупалъ тетради, самъ заботился о себѣ, не обращаясь къ матери за пустяками. По обыкновенію, это мало дѣйствовало и отъ привычекъ своихъ Илья очень медленно отвыкалъ.

— Да ты подожди немного, не торопись, Ванечка. Пусть Илья окрѣпнетъ. Можетъ быть, поумнѣетъ немного. Пусть такъ поживетъ, — говорила мать, когда Илья упорно не понималъ какой-нибудь самой простой вещи.

— Мамаша, нельзя такъ. Излѣнится нашъ Илья:, бѣда мнѣ съ нимъ будетъ потомъ.

— Я за нимъ посмотрю. Онъ у меня будетъ каждый день чѣмъ-нибудь занятъ, ужъ я его съ глазъ не спущу!

Разъ какъ-то Иванъ Павловичъ разсердился на брата и назвалъ его идіотомъ. Черезъ минуту онъ уже бранилъ себя въ душѣ за несдержность и сразу перемѣнилъ тонъ. А Илья совершенно спокойнымъ голосомъ неожиданно спросилъ брата, что такое «идіотъ». Ивану Павловичу стало и смѣшно, и грустно. Видѣть предъ собой человѣка, да еще брата, лишеннаго искры Божіей, было для него очень мучительно. Не разъ онъ собирался бросить занятія съ братомъ, но слабая надежда, что труды его увѣнчаются хотя какимъ-нибудь успѣхомъ, заставляла собрать все терпѣніе и продолжать занятія.

Прошелъ первый годъ студенческой жизни Ивана Павловича. Время катилось по разъ заведенному образцу и казалось для него часто очень скучнымъ, неинтереснымъ. Только въ институтѣ, среди своихъ немногихъ товарищей, Иванъ Павловичъ нѣсколько обновлялся, съ тѣмъ, чтобы, пріѣхавъ въ банкъ, снова погрузиться въ скучную службу и утомительные уроки.

— Какъ ты выносишь эту каторжную жизнь? Ты—какой-то безнервный субъектъ, — сказалъ однажды Ивану Павловичу его давнишній товарищъ.

— Самъ, братъ, не знаю, какъ живу. День идетъ за днемъ. Не хвораю даже. Только одышка донекаетъ, когда приходится подниматься по лѣстницѣ, — отвѣтилъ Иванъ Павловичъ и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ.

Иванъ Павловичъ почти каждый вечеръ предъ сномъ осматривалъ велосипедъ, начисто вытиралъ его тонкой тряпкой, смазывалъ, вообще приводилъ въ порядокъ. Если на слѣдующій день утромъ была хорошая погода, онъ ѣхалъ въ институтъ на велосипедѣ; въ худую погоду и зимой онъ пѣшкомъ доходилъ до паровой конки и ѣхалъ въ ней въ институтъ. Такимъ образомъ, молодому человѣку приходилось дѣлать верстъ двадцать ежедневно.

III.

Было всего только начало восьмого часа утра, когда Иванъ Павловичъ всталъ, наскоро умылся и, выпивъ стаканъ чая съ французской булкой, заторопился въ институтъ.

Всѣ мысли его были сосредоточены на томъ, чтобы сегодня не было дождя и чтобы дѣло его окончилось благополучно.

Осторожно закрывъ дверь квартиры, Иванъ Павловичъ быстро сошелъ по лѣстницѣ, неся на плечѣ велосипедъ.

Дворъ былъ сухъ и небо чисто. Это обрадовало Ивана Павловича. Выйдя на улицу, онъ сѣлъ на велосипедъ и сперва ѣхалъ медленно, но потомъ все скорѣе и скорѣе. Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ переѣхалъ черезъ Неву по Троицкому мосту, потомъ свернулъ направо и выѣхалъ на шоссейную дорогу.

Когда Иванъ Павловичъ очутился внѣ города и ѣхалъ по ровной и гладкой тропинкѣ, по краю дороги, перестало трясти, и онъ могъ собраться съ мыслями.

Студентъ началъ раздумывать о своемъ житьѣ-бытьѣ и не нашелъ въ немъ ничего пріятнаго. Нѣсколько свѣжій утренній вѣтеръ, холодившій грудь, заставилъ Ивана Павловича подумать, что напрасно онъ не надѣлъ пальто. Онъ сознавалъ, кромѣ того, что ему непремѣнно нужно было взять пальто, но почему — онъ не могъ вспомнить, какъ ни старался. Солнце, вдругъ ярко освѣтившее дорогу, какъ показалось Ивану Павловичу, согрѣло его. Весь путь до самаго института хорошо былъ знакомъ Ивану Павловичу, но сегодня выдалось такое славное утро, такъ красиво свѣтило солнце, что Иванъ Павловичъ сталъ смотрѣть по сторонамъ.

Вотъ потянулся большой сосновый лѣсъ, вперемежку съ полями ржи, овса, травы... Онъ проѣзжалъ мимо большихъ

каменныхъ зданій, миновалъ телефонную фабрику, новую больницу, занимающую огромное мѣсто у самой дороги. Больница состояла изъ главнаго зданія, съ десяткомъ отдѣльныхъ небольшихъ одноэтажныхъ домиковъ, разбросанныхъ вокругъ. Съ края, у поля, подальше отъ дороги Иванъ Павловичъ замѣтилъ небольшое зданіе съ крестомъ надъ входомъ... И многія другія постройки, напоминающія о городѣ, тянулись еще довольно долго, пока молодой человѣкъ не увидѣлъ первой дачи. За ней уже не было каменныхъ зданій, кромѣ нѣмецкой богадѣльни...

Ивану Павловичу всегда жалко было видѣть стариковъ, когда тѣ, сидя на скамейкахъ въ саду или молча прохаживаясь по расчищеннымъ дорожкамъ, заложивъ руки за матерчатый поясъ халата, тупыми взглядами провожали рѣдкихъ прохожихъ.

Иногда Ивану Павловичу казалось, что и онъ подъ старость самъ попадетъ въ богадѣльню, будетъ такъ-же одѣтъ, будетъ такъ-же ходить по саду, ни съ кѣмъ не разговаривая. И отъ сознанія того, что это можетъ случиться, ему становилось скучно жить... Но воображеніе, случайно разстроенное нервами, вновь укрѣплялось, энергія Ивана Павловича съ новою силою просыпалась въ немъ, мысль заставляла продолжать работу и онъ, незамѣтно ускоряя ходъ велосипеда, всегда торопился оставить позади себя это скучное зданіе готической архитектуры.

Проѣзжая въ этотъ разъ мимо богадѣльни, Иванъ Павловичъ не увидѣлъ въ саду никого. Только одинъ старикъ неподвижно сидѣлъ въ закрытомъ стеклянномъ балконѣ, спрятавъ лицо въ отогнутый воротникъ халата. Садовыя дорожки во многихъ мѣстахъ были покрыты свернувшимися желто-красноватыми листьями. Деревья слабо покачивали своими верхушками и въ ихъ сухомъ, тихомъ, стыдливомъ шумѣ слышалась поздняя скучная осень...

Иванъ Павловичъ снова почувствовалъ холодъ на груди и спинѣ. Желая согрѣться, онъ быстро поѣхалъ по дорогѣ, сбоку которой двумя ровными линіями тянулись рельсы. Навстрѣчу ему быстро шелъ паровикъ. Проѣзжая мимо, Иванъ Павловичъ замѣтилъ въ вагонѣ нѣсколькихъ дѣвочекъ-подростковъ, судя по внѣшнему виду, гимназистокъ. Одна изъ нихъ была довольно бѣдно одѣта и своимъ костюмомъ напомнила Надю.

Черезъ нѣсколько минутъ студентъ повернулъ вправо и поѣхалъ въ гору. Добравшись до половины горы, онъ слѣзъ съ велосипеда и пошелъ къ институту, фасадъ котораго бѣлыми пятнами виднѣлся уже кое-гдѣ между деревьями чистаго сосноваго парка. При видѣ института Иванъ Павловичъ снова вспомнилъ, какъ важенъ для него сегодняшній день. Онъ почувствовалъ затѣмъ легкій страхъ за исходъ этого дня, а, когда подходилъ къ парадной двери, легкое головокруженіе и порывистое дыханіе заставило подумать, что онъ напрасно такъ быстро ѣхалъ.

Сторожъ, съ желѣзнымъ крестомъ на груди и маленькой мѣдной медалькой, вычищенной мѣломъ, взялъ отъ студента велосипедъ и заботливо поставилъ его у наружной стѣны.

Иванъ Павловичъ уже поднимался по лѣстницѣ.

IV.

Сапожниковъ хлопоталъ о стипендіи, но его просили подождать. На сегодняшній день былъ назначенъ окончательный отвѣтъ. Кромѣ того, было и еще очень важное дѣло. При переходѣ съ перваго курса Иванъ Павловичъ не сдалъ нѣкоторыхъ практическихъ работъ, и ему сказали, что, если онъ ихъ не представитъ къ опредѣленному сроку, то экзаменовъ не зачтутъ и придется изъ института уходить. Не удалось Ивану Павловичу сдать всѣ практическія работы потому, что онъ былъ боленъ, о чемъ представилъ въ свое время свидѣтельство. Но такъ было только для начальства. На самомъ-же дѣлѣ Иванъ Павловичъ набралъ слишкомъ много лишнихъ уроковъ, такъ какъ подходилъ срокъ платы въ гимназію за сестру. Уроки были поздно вечеромъ, какъ разъ въ то время, когда его товарищи, стоя за большими чертежными столами, готовили эти практическія работы подъ наблюденіемъ профессора. Занимаясь съ учениками, Иванъ Павловичъ часто думалъ объ этомъ, и ему очень хотѣлось убѣжать съ урока въ институтъ... Иванъ Павловичъ, поднимаясь по лѣстницѣ, замѣтилъ, что еще рано, студенты только что начали собираться. Поднявшись во второй этажъ, онъ пошелъ по корридору къ квартирѣ профессора, съ которымъ ему надо было переговорить, и остановился, не рѣшаясь позвонить.

Сапожникова сильно смущало расписаніе пріемныхъ часовъ, въ которые профессоръ предлагалъ свои услуги для лицъ, «имѣющихъ къ нему дѣло». Время было совсѣмъ неподходящее, и Иванъ Павловичъ подумалъ, что онъ ужъ лучше потомъ гдѣ-нибудь повидаетъ профессора и переговоритъ. Спустя нѣкоторое время, онъ снова рѣшилъ войти въ квартиру, но протянутая къ звонку рука опустилась и имъ снова овладѣлъ страхъ, похожій на тотъ, какой онъ чувствовалъ, идя просить мѣсто у Кавецкаго. Иванъ Павловичъ подумалъ, что вотъ онъ ужъ давно толчется у двери и не можетъ рѣшиться войти. Эта мысль уничтожила и остатокъ рѣшимости. Иванъ Павловичъ вдругъ отошелъ отъ двери и быстро зашагалъ, идя къ лѣстницѣ, по которой только что поднимался. Онъ чувствовалъ теперь что-то щемящее въ сердцѣ, ему было тяжело за свою нерѣшительность, странную трусость, боязнь.

«Все погибло; я къ нему такъ и не пойду, не пойду»,— думалъ студентъ и мысленно повторялъ это «не пойду» множество разъ.

Но потомъ молодому человѣку пришло на умъ, что профессоръ теперь, вѣроятно, всталъ, пьетъ чай и, стало быть, войти къ нему очень удобно. Иванъ Павловичъ такъ обрадовался этой мысли, что вернулся, опять быстро пошелъ къ двери съ расписаніемъ пріемныхъ часовъ, зачѣмъ-то пробѣжалъ еще разъ это расписаніе и нажалъ бѣлую головку звонка. Гдѣ-то далеко и глухо прозвонилъ звонокъ. Иванъ Павловичъ прислушался къ нему и понялъ, что кто-то идетъ открывать дверь. Онъ сталъ одергивать тужурку.

Щелкнулъ замокъ, и студентъ вошелъ въ квартиру.

— Доложите Петру Герасимовичу, что его желаетъ видѣть студентъ Сапожниковъ,—обратился Иванъ Павловичъ къ горничной, отворившей дверь.

— Баринъ сейчасъ въ столовой. Можетъ быть, вы подождете?—спросила горничная, вглядываясь въ студента.

«Это она смотритъ на мои веснушки»,—подумалъ Иванъ Павловичъ.

— Нѣтъ, вы доложите. Петръ Герасимовичъ знаетъ, когда меня принять.

— Что ты тамъ болтаешь, Маша? Проси сюда,—послышался изъ столовой довольно рѣзкій голосъ профессора.

Непріятно отразился тонъ профессора въ сознаніи Ивана Павловича, вселивъ въ него преждевременное предположеніе, что его дѣло не удастся.

«Скажу прямо, какъ я живу, безъ всякихъ прикрасъ. Можетъ быть, онъ пойметъ».

Съ этой мыслью Иванъ Павловичъ робко вошелъ въ столовую.

У самовара сидѣлъ самъ профессоръ Городовъ.

— Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Я вамъ чаю налью, хотите? — обратился Городовъ къ Ивану Павловичу.

Голосъ былъ уже не тотъ, какимъ профессоръ окликнулъ горничную.

Иванъ Павловичъ не могъ во-время отвѣтить на привѣтствіе. Получилась довольно непріятная пауза, въ теченіе которой профессоръ смотрѣлъ на студента, а студентъ на профессора.

— Прошу безъ всякихъ стѣсненій. Садитесь. У меня все просто,—еще болѣе мягко сказалъ Городовъ.

— Благодарю очень... я чай пилъ. У меня дѣло есть къ вамъ, собственно, просьба большая...—поправилъ себя Иванъ Павловичъ.

Городовъ смотрѣлъ на студента и теперь сталъ внимательно слушать.

— И хотя я къ вамъ не во-время, не въ урочный часъ, но прошу принять,—продолжалъ Иванъ Павловичъ.

И, какъ только онъ сказалъ «прошу», сейчасъ-же подумалъ, что получитъ отказъ: профессоръ заторопился съ чаемъ, будто собираясь уходить.

— Прежде всего садитесь,—твердо сказалъ Городовъ.

Студентъ сѣлъ у стѣны, не пододвинувъ стула къ столу.

— Вотъ теперь можно и побесѣдовать. У васъ не сдана работа и просите о стипендіи...

— Да,—подтвердилъ Иванъ Павловичъ, хотя Городовъ объ этомъ не просилъ ни словомъ, ни взглядомъ.

Ивану Павловичу стало неловко за это «да»: онъ вспомнилъ, какъ его учили не подтверждать того, что говорятъ старшіе. Онъ уже ждалъ, что профессоръ сейчасъ сдѣлаетъ замѣчаніе, но этого не случилось. Въ памяти пробѣжалъ такой-же случай изъ школьной жизни и быстро заволокнулъ важность настоящей минуты.

— Относительно вашего прошенія я сдѣлалъ все, что могъ. Мнѣ хотѣлось-бы знать, почему вы не сдали на первомъ курсѣ работы. И, кромѣ того, разскажите о своемъ семейномъ положеніи. Я слышалъ, что у васъ есть старушка-мать,— заговорилъ профессоръ.

— Позвольте, профессоръ, сказать вамъ все откровенно,— началъ Иванъ Павловичъ, чувствуя, что наступилъ моментъ, когда онъ долженъ толково разсказать обо всемъ.

— Мнѣ это и нужно. Я прошу васъ именно такъ и говорить.

— Мной было представлено свидѣтельство отъ доктора. Я не могъ бывать въ институтѣ по болѣзни...

— Но, насколько я помню, вы днемъ бывали на лекціяхъ, хотя и не на всѣхъ,—возразилъ Городовъ.

— Это свидѣтельство я представилъ только такъ, для формы. Настоящая причина совсѣмъ другая. Кромѣ брата и

матери, у меня есть сестра-гимназистка. Подошло такъ, что по вечерамъ въ институтѣ надо бывать... и за сестру платить въ гимназію. Я рѣшилъ взять два урока на вечеръ и, такимъ образомъ, достать деньги.

Иванъ Павловичъ началъ шарить въ боковомъ карманѣ тужурки, но то, чего онъ искалъ, никакъ не находилось. Это очень волновало молодого человѣка; руки его тряслись и онъ все повторялъ:

— Я, профессоръ, вамъ сейчасъ, сейчасъ покажу расписку.. расписку...

— Какую расписку вы ищете?

— Расписку отъ гимназіи. По ней видно, что въ то время было уплачено мною за сестру.

— Не надо расписки, я вамъ и такъ вѣрю. Продолжайте.

И Иванъ Павловичъ разсказалъ, мѣстами сбиваясь, о службѣ въ банкѣ, о неудачномъ братѣ, о матери; сказалъ, что ему очень хочется, чтобы сестра окончила гимназію, что отъ того онъ рѣшилъ временно не ходить въ институтъ. Все это передалъ онъ безъ подробностей, отдѣльными фразами. Но, судя по тому, какъ эти фразы ложились одна подлѣ другой, съ какой тяжелой искренностью выливались онѣ, профессоръ вполнѣ вѣрилъ въ истину словъ студента. Его грузное тѣло вдругъ поднялось со стула, рука прогладила лохматые, съ замѣтной уже сѣдиной, волосы, ясный взглядъ большихъ карихъ глазъ остановился на Иванѣ Павловичѣ.

— Мнѣ больше отъ васъ ничего не надо. Могу порадовать. Вчера было засѣданіе, рѣшили назначить вамъ стипендію, въ виду тяжелаго матеріальнаго положенія и вообще хорошихъ успѣховъ...

— А какъ-же съ практической работой?—спросилъ Иванъ Павловичъ, едва вѣря словамъ профессора.

— Съ ней мы еще успѣемъ устроиться. Я обѣщаю. Въ крайнемъ случаѣ, вы будете заниматься подъ моимъ руководствомъ и сдадите работу. Вы довольны?

— Конечно, профессоръ. Я не знаю, какъ васъ благодарить!

— Не безпокойтесь, что отнимете у меня много времени. Все равно, я живу въ институтѣ. Ходить не далеко. Вы теперь по вечерамъ уроковъ не давайте. Усердно посѣщайте институтъ. Приходите сегодня вечеромъ...

Городовъ подалъ Ивану Павловичу руку и сказалъ:

— Теперь мнѣ время идти. Желаю вамъ всего хорошаго.

Иванъ Павловичъ направился къ выходу, а профессоръ, окликнувъ горничную, сказалъ, чтобъ она открыла дверь.

V.

Какъ въ туманѣ, вышелъ отъ Городова Иванъ Павловичъ. Ему все еще не вѣрилось въ то, что онъ сейчасъ услышалъ. Но, вспомнивъ твердый, убѣдительный тонъ профессора, Иванъ Павловичъ началъ мало-по-малу вѣрить, что уже устроилось все, о чемъ онъ такъ безпокоился.

«Теперь можно бросить службу. Непремѣнно буду посѣщать всѣ лекціи», —думалось ему.

А дальше онъ представилъ себѣ, какъ обрадуются Надя, мать...

Иванъ Павловичъ подошелъ къ толпѣ студентовъ, человѣкъ въ сорокъ, собравшихся въ корридорѣ, у лѣстницы, и о чемъ-то шумѣвшихъ.

Высокій студентъ, франтовато одѣтый, въ очень высокомъ крахмальномъ воротничкѣ, съ коротенькими цѣпочками у манжетъ, по-модному причесанный, стоя въ срединѣ собравшихся и размахивая правой рукой, патетически говорилъ, поворачиваясь на мѣстѣ, какъ-бы желая дать возможность посмотрѣть на свою физіономію всѣмъ слушателямъ:

— Господа, справедливость требуетъ того, чтобы квартиры сторожей освѣщались электричествомъ, которое — наконецъ-то!—проведено въ нашемъ институтѣ къ началу учебнаго года. Нельзя также найти вѣскихъ мотивовъ, по которымъ сторожа института лишены этого удобнаго, гигіеническаго освѣщенія. Я, господа, предлагаю собрать по этому вопросу сходку въ возможно скоромъ времени, хотѣлось-бы даже сегодня. Цѣли сходки — обмѣнъ мнѣній и затѣмъ, надѣюсь, составленіе неодобренія по поводу... э-э-э... Что вы скажете по настоящему вопросу, господа?

Иванъ Павловичъ все это слышалъ и, когда рѣчь кончилась, вдругъ заговорилъ смущенно и торопясь, съ тѣмъ-же волненіемъ, какъ у профессора:

— По этому вопросу я могу сказать, что самое лучшее его оставить, а, тѣмъ болѣе, не собирать сходки...

— То есть, какъ-же такъ оставить?—закипятился студентъ съ проборомъ на затылкѣ, — какъ-же оставить? Выражайтесь, коллега, точнѣе!

— Точнѣе! Нужны точность, ясность!—заговорили другіе.

— Не смѣшно-ли устраивать сходку по этому вопросу, господа? Вѣдь, у сторожей даровое керосиновое освѣщеніе, хорошія лампы. Почти каждый изъ насъ пользуется дома керосиномъ, а не электричествомъ. Почему-же поднимать бурю изъ-за такихъ глупостей? Неужели нѣтъ болѣе важныхъ вопросовъ, которые, дѣйствительно, надо обсудить.

— Слабо, слабо!..—кричало нѣсколько возбужденныхъ голосовъ.

— Съ нами говоритъ ярый консерваторъ, а можетъ быть, и хуже того! — кричалъ студентъ съ проборомъ на затылкѣ и, повертываясь все на томъ-же мѣстѣ, нѣсколько согнувшись, какъ-бы приглашалъ этимъ другихъ тоже кричать и выражать протестъ противъ рѣчи «яраго консерватора».

— Тише, тише, господа! Такъ-же нельзя! вы не даете возможности говорить. Гдѣ-же справедливость? — громовымъ басомъ прокричалъ здоровенный студентъ, въ брюкахъ, засунутыхъ въ голенища высокихъ сапогъ.

Студенты умолкли, думая, что «басъ» станетъ продолжать свою рѣчь.

Но въ этотъ самый моментъ Иванъ Павловичъ быстро заговорилъ, ужасно волнуясь, почти крича:

— Вы дѣлаете огромную ошибку, называя меня ярымъ консерваторомъ! Не узнавъ брода суетесь въ воду... Я — не такой дворянчикъ, котораго вы слушаете, не зная зачѣмъ, не понимая всей глупости его затѣи! Истинный глубокій либерализмъ у людей, уже познавшихъ несправедливость существующихъ порядковъ, у людей идейныхъ... Если-бы вы захотѣли...

Но опять начались крикъ и шумъ. Продолжать говорить было невозможно. Да Иванъ Павловичъ все равно многаго-бы и не сказалъ, потому что почувствовалъ головокруженіе и жаръ во всемъ тѣлѣ, какъ это бываетъ во время начинающейся лихорадки.

Студенты шумѣли все больше и больше; они разошлись, порѣшивъ собраться въ актовомъ залѣ, вмѣсто того, чтобъ идти на четвертую лекцію.

Прослушавъ всѣ лекціи, Иванъ Павловичъ (онъ на службу въ банкъ не поѣхалъ, думая ее все равно бросить) медленно пошелъ отъ института, ведя рядомъ съ собой велосипедъ. Радостное, легкое чувство овладѣло имъ. Ему пріятно было, что онъ теперь — такой-же студентъ, какъ и всѣ: можетъ слушать лекціи, не пропуская, можетъ спокойно читать, во много разъ усерднѣе прежняго заниматься... Своихъ товарищей онъ сегодня не видѣлъ, можетъ быть, потому, что былъ занятъ своими мыслями. Иванъ Павловичъ подсчиталъ, сколько денегъ выдастъ институтъ, если стипендія у него будетъ до окончанія курса...

«Ну, что-жъ, отдамъ, когда устроюсь... отплачу, въ долгу не останусь», —думалъ Иванъ Павловичъ.

А невыразимо-пріятное чувство большой радости такъ и колыхалось въ немъ, такъ и туманило его сознаніе, чуть не опьяняло...

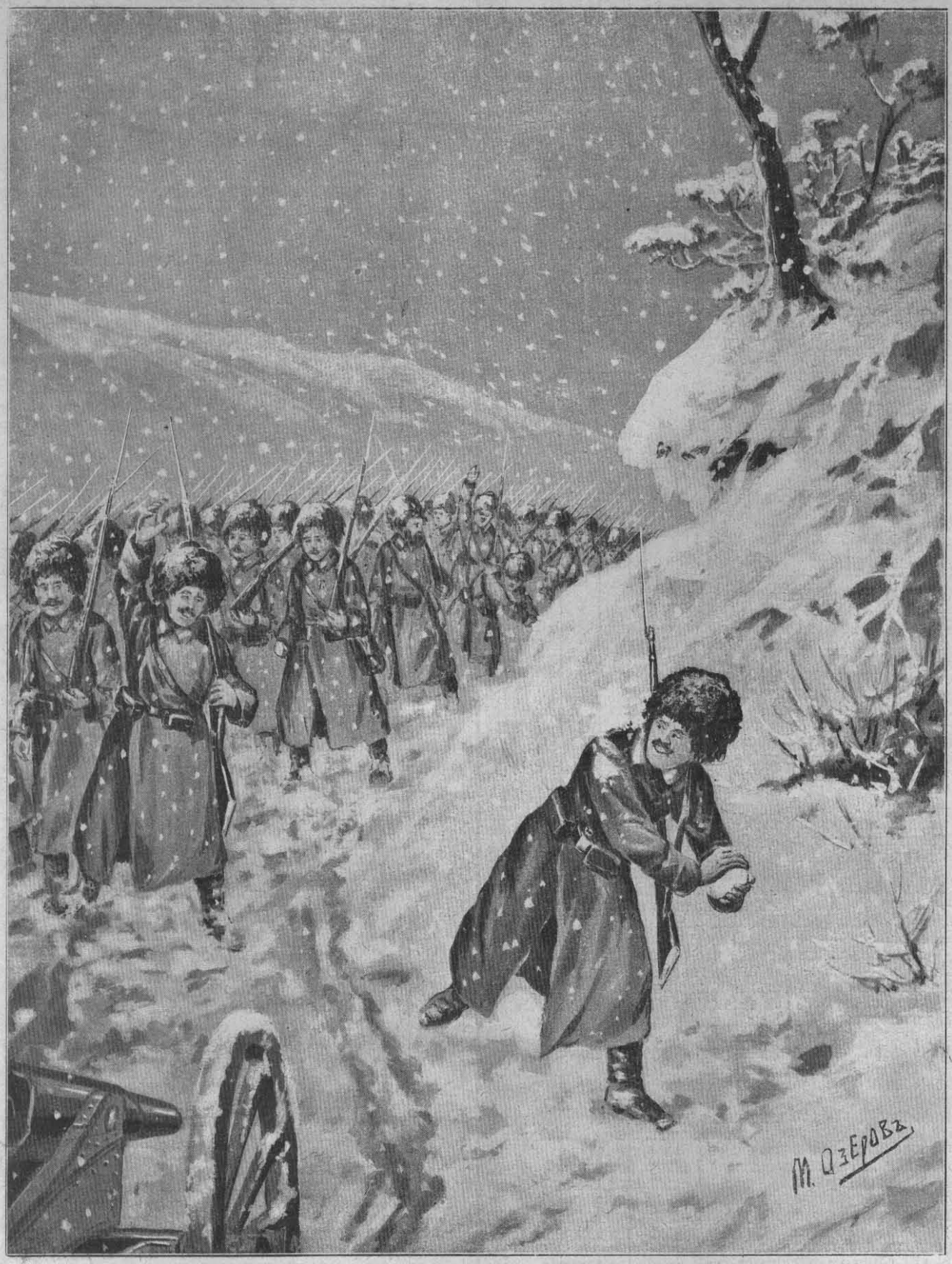
Проѣхавъ версты четыре, Иванъ Павловичъ почувствовалъ, что ему какъ-то неловко сидѣть. Въ боку сильно болѣло, во всемъ тѣлѣ чувствовалась ломота, голова разболѣлась, лицу было жарко, особенно вокругъ глазъ. Онъ слѣзъ съ велосипеда, но отъ этого не стало легче. Тупая боль въ боку заставила его идти тише. Голова кружилась... И вдругъ странная мысль, что онъ серьезно заболѣлъ, наполнила его душу невыразимымъ ужасомъ. Подавивъ въ себѣ чувство боли, студентъ, лихорадочно торопясь, сѣлъ на велосипедъ и, насколько хватало силъ, быстро поѣхалъ къ городу. По сторонамъ мелькали знакомыя постройки, лѣсъ, новая больница, поля ржи, овса, травы... А Иванъ Павловичъ не обращалъ на это никакого вниманія. Предъ нимъ была только сѣрая полоса дороги, мчавшаяся подъ колесо велосипеда. Но дальше Иванъ Павловичъ не могъ такъ скоро ѣхать. Боль все не унималась, головокруженіе усилилось. Студентъ съ трудомъ остановилъ велосипедъ, слѣзъ съ него, но тотчасъ почувствовалъ приступъ сильнѣйшей боли. Теперь и сердце билось сильно, часто и глухо, точно кто ударялъ внутри молоткомъ, обернутымъ тряпкой. Студентъ остановился и, опираясь рукой о велосипедъ, поддерживалъ себя, чтобы не упасть. Такъ стоялъ онъ минуты двѣ-три и ускоренно думалъ, точно гналъ свои мысли:

«Я боленъ и боленъ, кажется, давно... Какъ будутъ они теперь жить, какъ будутъ жить? Бѣдная Надя, бѣдная матушка, несчастный братъ. Я отдамъ стипендію, а самъ лягу въ больницу. Другого исхода нѣтъ»...

И студентъ почувствовалъ, что онъ теперь глубоко несчастливъ. Онъ думалъ, что ему нельзя болѣть, а надо неустанно, изо дня въ день трудиться... И потому, что онъ теперь уже былъ лишенъ возможности жить попрежнему и ясно это сознавалъ, — ему стало невыносимо тяжело. Горькія слезы отчаянія подступили къ горлу; онъ не могъ выдержать ихъ приступа и, можетъ быть, впервые за всю жизнь громко, навзрыдъ заплакалъ.

Велосипедъ выскользнулъ изъ-подъ руки и, ударившись о землю, непріятно, тревожно прозвенѣлъ.

КОНЕЦЪ.



НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. НА ПОЗИЦІЮ. Оригин. рисун. **М. Озерова.**

Отступленія не будетъ.

Набросокъ.

Ив. Епифанова.

ТАСТУПИЛО утро. Спавшія войска просыпались. Кой-гдѣ трещалъ барабанъ, слышался звукъ рожка горниста, звякали ружья и звенѣли прицѣпляемыя къ портупеямъ шашки и сабли. Воздухъ былъ чистъ и небо ясное, синеватое, словно шатеръ, покрывало проснувшійся лагерь войскъ, одѣтыхъ въ полушубки, высокія папахи и разныхъ цвѣтовъ валенки.

Линія войскъ была растянута на нѣсколько верстъ, но генералъ, завѣдующій этой оборонительной линіей, зналъ, гдѣ расположены не только батальоны, но даже роты, даже отдѣльные секреты ввѣренныхъ ему полковъ. Генеральская стоянка была разбита на одной изъ высокихъ сопокъ, съ которой открывался видъ далеко-далеко на близлежащія равнины, гдѣ расположились враждующія стороны.

Несмотря на раннее утро, генералъ былъ на ногахъ и, вооружившись биноклемъ, пристально всматривался въ чуть виднѣвшіяся вдали группы японцевъ, какъ муравьи копошившихся и, видимо, къ чему-то приготовлявшихся.

— Э-эхъ! — крякнулъ генералъ и сердито стукнулъ биноклемъ о рукавъ своей шинели.

— Что случилось, ваше превосходительство?—подбѣжалъ къ нему адъютантъ.

— Гдѣ Иванъ Петровичъ?

— Тамъ! — адъютантъ указалъ рукой: — орудія ставитъ.

— А-а! Прекрасно! Передайте ему, чтобы онъ придерживался фланговаго огня. Японцы, видимо, предполагаютъ напасть на нашъ центръ... Пусть Иванъ Петровичъ сосредоточитъ на нихъ боковой огонь.

— Слушаю, ваше превосходительство!

Адъютантъ сѣлъ на подведенную ему лошадь и исчезъ.

Около генерала толпились вооруженные биноклями штабные офицеры.

— Ваше превосходительство, — обратился къ генералу офицеръ съ полковничьими погонами,—вы предполагаете, что японцы нападутъ на центръ?

— Да!

— Но тогда вамъ не мѣшало-бы уйти отсюда: вы—центръ и сюда направятся всѣ аттаки и выстрѣлы враговъ...

— Ну, и что-же?..

— Ваша жизнь будетъ въ опасности!

— Э! Что вы говорите пустяки! Моя жизнь? Да развѣ жизнь этихъ сѣрыхъ героевъ не въ опасности? развѣ каждый изъ ввѣренныхъ мнѣ солдатъ не рискуетъ жизнью? развѣ я хуже солдата, что буду прятаться отъ опасности? Полноте! Всѣ мы здѣсь—солдаты, всѣ — защитники славы и чести Россіи, здѣсь мы всѣ равны.

— Но...

— Никакихъ «но». Извольте дѣлать свое дѣло, господинъ полковникъ... скоро начнется бой.

Дѣйствительно, гдѣ-то далеко что-то ахнуло и черезъ мгновеніе надъ головами стоявшихъ на сопкѣ генерала и его штаба со свистомъ пролетѣла первая граната; за ней — вторая, третья и снаряды, какъ градъ, посыпались вокругъ.

— Который часъ, господинъ полковникъ?—спросилъ генералъ, не отрываясь отъ бинокля.

— Шесть.

— Сегодня наши пріятели что-то рано начали свои дѣйствія, — проговорилъ, улыбаясь, генералъ,—ну, да, впрочемъ, люди готовы, патроны есть, пушки пристрѣлялись и господа японцы не останутся безъ гостинцевъ и съ нашей стороны. Прикажите открыть огонь съ нашихъ баттарей.

— Слушаю-съ!

Полковникъ скрылся между камнями, и, минутъ черезъ пять, баттареи, защищенныя каменистыми выступами, задымились бѣлымъ туманомъ. Загрохотала артиллерія и понесла свои смертоносные снаряды во вражій станъ.

Но и японцы не зѣвали. Словно удары тысячи бичей, засвистѣли въ воздухѣ ихъ пули, засвистѣли по сопкѣ, по полю, гдѣ стояли въ резервѣ казаки, по лощинѣ, по которой плелись ослики, нагруженные патронами, у рощи, гдѣ залегли нѣсколько ротъ стрѣлковъ,—всюду слышался свистъ, свистъ назойливый, томительный, слышался трескъ ударявшихся о камни пуль. И страшно, и жутко, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и весело на душѣ. Еще-бы! Глухо, словно удары молота, стучали наши орудія и ихъ короткій звукъ обрывался и пропадалъ въ расщелинахъ горныхъ массивовъ, гдѣ они были скрыты.

Не видя нашихъ баттарей, японцы сосредоточили весь свой огонь на сопкѣ, гдѣ былъ генералъ. На него обрушились всѣ выстрѣлы и удары врага.

Казалось, не было мѣста, куда-бы не падали пули противника. Стрѣлки, залегшіе впереди, припали къ землѣ, какъ-будто желая врасти въ холодный гранитъ. Лица стрѣлковъ блѣдны, сосредоточенны, а руки съ лихорадочною быстротою работаютъ ружейнымъ затворомъ.

Вотъ впереди стрѣлковъ, на самомъ виду у врага, показалась стройная фигура генерала. Остановился онъ и медленно поправляетъ прицѣлъ у одного изъ стрѣлковъ.

— Ваше превосходительство,—шепчетъ солдатъ,—уйдите! убьютъ!

— Эхъ, ты, «убьютъ»! — смѣется генералъ, — а ты будь спокоенъ, какъ я, не нервничай, а стрѣляй вѣрнѣе, тогда и о смерти забудешь!

— Ваше превосходительство, — подскакиваетъ къ генералу юный офицеръ, — тутъ опасно!

— А вамъ, юноша, неопасно?

— Но, ваше превосходительство, я не боюсь смерти для себя, мнѣ жаль...

— Меня?

— Такъ точно.

— Эхъ, юноша, юноша! Въ животѣ и смерти Богъ воленъ! Можно умереть на постели и остаться цѣлымъ среди убійственнаго огня. Идите.

— Позвольте мнѣ остаться съ вами.

— Пожалуй, но ваша часть?

— Она укрыта, стрѣляетъ...

Юный офицеръ не докончилъ рѣчи: что-то около него хлопнуло, и онъ, окровавленный, повалился на землю.

Кровь сочится изъ головы юноши, папаха, бѣлая папаха окрасилась въ пурпурный цвѣтъ, губы посинѣли, глаза закрылись, щеки поблѣднѣли и какая-то невѣдомая улыбка разлилась по лицу убитаго.

— Бѣдный! — шепчетъ генералъ: — за что?

Онъ склонился къ распростертому на землѣ офицеру, снялъ свою шапку, истово перекрестился, перекрестилъ трупъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ, устремляя глаза туда, откуда неслась смерть въ видѣ пуль, шрапнели и гранатъ.

Прошло нѣсколько минутъ; стрѣлки, замѣтивъ первую убитую жертву, невольно остановили стрѣльбу, дѣлая крестное знаменіе. Но вотъ генералъ привсталъ и снова показался на виду.

— Эй, ребята, что замолчали? — крикнулъ онъ: — ну-ка, всей цѣпью прицѣльтесь, да сразу... Слу-у-ушай!

— Есть, ваше превосходительство! — отвѣчали солдаты.

— Пли!

Сотни выстрѣловъ слились въ одинъ и понесли свои смертоносныя пули къ японцамъ.

Огонь усиливается. Солнце поднялось высоко и начинаетъ пригрѣвать. Сколько часовъ происходила стрѣльба, солдаты не знаютъ, но въ глазахъ у нихъ слезы отъ дыма и шумъ въ ушахъ отъ неустанной, неумолкаемой стрѣльбы.

Но что это? Генералъ, стоявшій все время спокойно и смотрѣвшій въ бинокль на далекаго врага, вдругъ вынулъ изъ ноженъ шашку. Вся цѣпь солдатъ зашевелилась.

— Ребята!—крикнулъ генералъ,—врагъ бѣжитъ на насъ... Къ нему навстрѣчу!

Генералъ бросился впередъ. Всѣхъ охватило волненіе — страстное, порывистое, всѣ съ лихорадочнымъ порывомъ бросились за своимъ генераломъ, забывая о томъ, что повсюду свистятъ пули, вскакивали и перескакивали съ гребня на гребень, думая лишь объ одномъ, чтобы отбить врага. Нѣсколько залповъ и близость сѣрыхъ шинелей испугали японцевъ, и ихъ черныя линіи отхлынули назадъ, оставивъ послѣ своего отхода порядочное число убитыхъ.

А пули сыпались и сыпались. Подъ ихъ неумолчный визгъ къ генералу подскакалъ ординарецъ.

— Ваше превосходительство. На лѣвомъ флангѣ тяжело! Придется отступать.

— Отступленія не будетъ... Скажите полковнику, что центръ держится!

Подскакалъ другой ординарецъ и сообщилъ, что и на правомъ флангѣ отступленіе неизбѣжно, — врагъ ломится.

— Отступленія нѣтъ! — гнѣвно кричитъ генералъ: — скажите командирамъ частей, чтобы шли впередъ. Впередъ! впередъ, молодцы! Ура!

— Ура! Ура! Ура! — прогремѣло по всей линіи.

Залпы усилились, засверкали штыки солдатъ, шашки офицеровъ, и центръ, поддержанный правымъ и лѣвымъ флангами, грозно двинулся на врага...

Японцы были разбиты. На занимаемыхъ ими позиціяхъ гордо развернулись значки русскихъ ротъ. Правда, значки были прострѣлены во многихъ мѣстахъ, но это придавало еще больше доблести русскимъ героямъ, горсть которыхъ заставила отступить японскую дивизію, благодаря приказанію генерала, что отступленія не будетъ,—генерала, котораго Господь сохранилъ для того, чтобы вести полки къ побѣдамъ, съ полнымъ сознаніемъ, что отступленія нѣтъ и не будетъ!

КОНЕЦЪ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Ѣзда зимой въ Волынской губерніи. (Къ рис. на стр. 129.) Среди вѣковыхъ лѣсовъ и замерзшихъ повсюду разбросанныхъ по Волыни болотъ и рѣчекъ, съ перекинутыми черезъ нихъ мостами, въ зимнее время путь не безопасенъ, въ особенности ночью, и потому въ это время проѣзжающихъ всегда сопровождаютъ люди, знающіе дороги и освѣщающіе ихъ факелами.

Вернулся. (Къ рис. на стр. 135.) Гдѣ онъ пропадалъ, что онъ дѣлалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, никто не зналъ. Но вотъ въ одинъ изъ зимнихъ дней онъ снова у своей хаты, упалъ на колѣна и проситъ прощенія у жены.

Лѣсникъ. (Къ рис. на стр. 137.) Старый суровый, съ нахмуренными бровями лѣсникъ обходитъ ввѣренный его охранѣ лѣсъ. Старческіе глаза зорко всматриваются въ чащу лѣса, и горе вору-порубщику, если его замѣтитъ лѣсникъ, не сдобровать охотнику до чужого лѣса.

Въ походѣ встарину. (Къ рис. на стр. 143.) Дружина подъѣхала къ рѣкѣ. Не долго думали воины и въ своемъ тяжеломъ вооруженіи смѣло пошли вбродъ. За рѣкой стоитъ врагъ и его необходимо застать врасплохъ, — и застанутъ.

Талмудисты. (Къ рис. на стр. 145.) Каждая строчка талмуда возбуждаетъ среди евреевъ-талмудистовъ споры. Каждый посвоему объясняетъ текстъ священной книги и споры иногда доходятъ до грандіозныхъ размѣровъ. На рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 145, изображена одна изъ сценъ въ синагогѣ, гдѣ талмудисты разбираютъ текстъ священной книги.

На Дальнемъ Востокѣ. На позиціи. (Къ рис. на стр. 153.) Батальонъ получилъ приказъ сняться съ мѣста стоянки и двинуться на позиціи. Обрадовались молодцы. Живо разобраны ружья; захрустѣлъ подъ ногами снѣгъ и въ тишинѣ снѣжнаго дня по полянѣ понеслась разудалая русская пѣсня.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

НОВЫЙ илл. прейсъ-кур. рыб. прин. иногородн. высыл. безпл. Москва, Б. Кам. мостъ, д. Куракиной, Щеголеву. 778

ПРАВИЛЬНОЕ ПИЩЕВАРЕНІЕ наилучше достигается по мнѣнію медицинскихъ авторитетовъ. ФЛАТУЛИНОВЫМИ ПИЛЮЛЯМИ Д-РА РООСА, которыя при вздутомъ животѣ, образованіи кислотъ и изжогѣ оказываютъ отличное дѣйствіе. Имѣются въ аптекахъ по 75 коп. за коробку. у Штолль и Шмидтъ, у Русскаго О-ва Торговли Аптекарскими товарами и во многихъ аптекахъ и аптекарск. магазинахъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ! Въ виду появившихся поддѣлокъ, прошу купить Перуин изобрѣт. Р. Пето только въ неупакованныхъ флаконахъ, чтобы убѣдиться что флак. имѣетъ этотъ этикетъ:

Флаконъ вездѣ 1 р. 75 к. или пересыл. изъ склада Базаръ Марокъ Спб., Невскій, № 20, кв. 9.

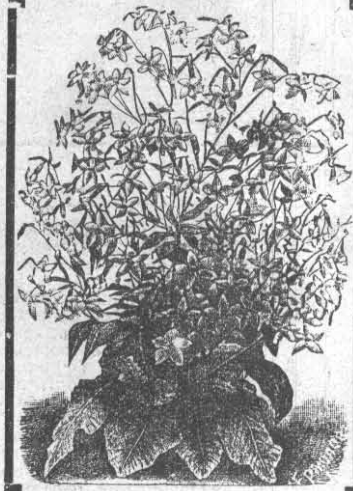
ДЛЯ МУЖЧИНЪ и ДАМЪ иллюстр. прейсъ-курантъ парижск. резин. новост., съ объяснен., высыл за 7-ми коп марку, въ закр. конв., Э. ЛИПШИЦЪ, Варшава, 2-ая конт 649

Чудо! НОВОСТЬ Чудо! 108 СТИРКА бѣлья ВОЗДУХОМЪ пневматич. ручнымъ аппаратомъ „ПРАЧКА-АМЕРИКАНКА“. Огромная экономія времени, денегъ и труда. Устраняетъ вредное для бѣлья треніе, необход. въ каждомъ домѣ, даже въ прачешн. завед. и больницахъ. Цѣна съ перес. 4 р. 85 к. Изъ Азіат. Россіи треб. задатокъ 2 р. Адресъ: Н. Чиднеру, Варшава, 119.

Новый типъ „Симетрическій“ Руб. 1250.

ИБАХЪ-РОЯЛИ ПРИДВОРНОЙ ФАБРИКИ РУД. ИБАХЪ СЫНЪ въ БАРМЕНѢ, въ симфонич. и филармонич. концертахъ удостоены лучшихъ отзывовъ знаменит. профессоровъ и піанистовъ; рояли отличаются: Солидной прочной работой Новѣйшей конструкціей Замѣчательно сильнымъ и мягкимъ тономъ. Кабинетный 900 руб. Салонный 1000 руб. Концертный 1800 руб. Модель „РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ“ 1500 руб. Новый типъ „СИМЕТРИЧЕСКІЙ“ 1250 руб. ПІАНИНО отъ 525 руб. — до 1000 руб. Главный складъ въ музыкальномъ магазинѣ МОСКВА. І. Ф. МЮЛЛЕРЪ ПЕТРОВКА. ПОЛНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Поставщикъ Двора Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича. СѢМЕННАЯ торговля 848 А. Б. Мейеръ. МОСКВА. Иллюстрированные каталоги сѣменамъ, цвѣточнымъ луковицамъ и растеніямъ высылаются БЕЗПЛАТНО.



НИКОЦІАНА САНДЕРЭ. Табакъ душистый красный. Лучшее нововведеніе послѣдняго года, заслуживающее всеобщаго вниманія. № 12955, пакетъ — 40 коп.

ЗУБНАЯ ПАСТА № 4711 изъ ВИСБАДЕНСКОЙ КЛЮЧЕВОЙ СОЛИ. Это натуральное средство для чистки ЗУБОВЪ, признанное врачами наилучшимъ, соединяетъ въ себѣ всѣ нужныя качества для раціональнаго ухода ЗА ЗУБАМИ И РТОМЪ. Оно составляетъ новѣйшее изобрѣтеніе современной науки и между ЗУБНЫМИ средствами не имѣетъ себѣ равныхъ. Единственный фабрикантъ Ферд. Мюльгенсъ „Кельнъ“ и „Рига“. ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ, ПАРФЮМЕРНЫХЪ и АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Новость противъ воровъ! Привил. Министр. Фин. за № 13881. Сигнальный аппаратъ „Эндолянсъ“ вѣчно охраняетъ внутри и снаружи: церкви, дома, магазины, дачи, конюшни и т. д. Стоитъ вору попытаться открыть дверь, окно или ворота, какъ аппаратъ моментально бьетъ сильную тревогу безопасными холостыми выстрѣлами. Соединить его со звонкомъ, тогда одновременно съ выстрѣлами начинаетъ звонить гдѣ угодно, не переставая до останавливанія его владѣльцемъ; тревога слышна на далекомъ разстояніи; обращеніе доступно всякому. Цѣна съ пересылкой 5 р. Изъ Сибири треб. задат. 2 р. Адресъ: Т-во „Эндолянсъ“, Варшава, 89. 106

Въ книжномъ складѣ журнала и газеты „РОДИНА“ С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. домъ, № 114, продается слѣдующее изданіе А. А. Каспари: ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. В. КОЛЬЦОВА. Съ иллюстрац. акад. М. О. Микѣшина и В. Полякова. С.-Петербургъ. Цѣна въ папкѣ — 1 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ — 1 руб. 50 коп. съ пересылкой.

722

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

СПБ., Казанская площ., № 18.

РОЯЛИ.
ПІАНИНО.

Иллюстриров. каталоги безплатно.

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

новѣйшая американская клавіатурная пишущая машина съ видимымъ во время писанія шрифтомъ. Машина эта пишетъ безъ ленты и шрифтъ мѣняется, вслѣдствіе чего на одной и той же машинѣ можно писать на различныхъ языкахъ. Цѣны: № 5—100 руб., № 7—140 р. Образцы шрифтовъ и прейсъ-кур. безплатно.

Торг. Домъ **Кинкманъ и К°**, С.-Петербур. Горохов. 17.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!

ИЗЪ НАСТОЯЩАГО АФРИКАНСКАГО ЗОЛОТА, НЕ ПОЗОЛОЧЕННЫЕ.

Новоизобрѣтен. карманные мужскіе или дамскіе часы изъ настоящ. **африканскаго золота**, ничѣмъ не отличаемые, даже спеціалистами, отъ настоящихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 руб., глухіе, съ 3-мя массивными крышками, заводъ безъ ключа, ходъ на 15 камняхъ, ручательство за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Часы изъ настоящ. африканск. золота награждены за свою доброкачественность и прочность многими медалями и знаками отличія. Цѣна мужскихъ или дамскихъ, **только на короткое время**, вмѣсто 28 р. только 7 р. 50 к., 2 шт.—14 р. 50 к., 3 шт.—21 р. Такіе-же **открытые мужскіе** часы, изъ настоящ. африканск. золота, съ пылепредохран. стекломъ вмѣсто 16 р. только 4 р. 25 к., 2 шт.—8 р., 3 шт.—11 р. 50 к. Высылаемъ вывѣренные часы до минуты, по полученіи заказа, налож. платеж., безъ задатка. Адресовать: **Ю. ГОЛЬДВАССЕРЪ, Варшава, Св. Георгія № 16.** Купоны всѣхъ фирмъ приним. въ счетъ по 50 к., на кажд. часы 1 купонъ.

P. S. **БЕЗПЛАТНО** прилагается къ часамъ изящн. цѣпочка съ брелокомъ „Бинокль“ съ видами или компасъ изъ того-же металла и замшевый кошелекъ для предохран. часовъ отъ порчи.

Пользуйтесь рѣдкимъ случаемъ. 112

СКРИПКИ

въ 2 р., 3 р., 4 р., 6 р., 8 р 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. Смычки въ 50 к., 1 р., 1½ р., 2 р., 2½ р., и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6½ р., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже съ простыми колками въ 2½ р., и 4 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1¾ р.

2¾ р., 3½ р. съ механ. колк. 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже

САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ПО ПОЛУЧЕНІИ ЗАДАТКА ⅓ СТОИМОСТИ ВЫСЫЛАЮ СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖЕМЪ

МОСКВА **И. А. НОВИКОВЪ**, СРѢТЕНКА.

СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ,

Н. Ермоловъ. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

Fleichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Цѣна: коробка 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ, косметическое средство для улучшенія красоты кожи. Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.

Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. **Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ** поставщикъ бельгійскихъ импер. театровъ. Главный складъ для всей Россіи: СПБ. ТЕХНО-Химическ. Лабораторія, С.-Петербургъ, Лиговская 128. 774

КАРАМЕЛЬ

ИЗЪ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени **въ Кіевѣ.** Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЬ. С.-Петербургъ, Гороховая, 38. Цѣна метал. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

Д-ра Шиндлеръ-Барнай „Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“ **противъ**

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка 60 пилюль

въ коробкахъ краснаго цвѣта, съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

Новѣйшая пишущая машина

„ИДЕАЛЪ“

имѣетъ видимый шрифтъ отъ первой до послѣдней буквы. Рычаги и буквы на машинѣ „ИДЕАЛЪ“ изъ наилучшей стали. — Клавіатура машины „ИДЕАЛЪ“ универсальная. — Ударъ по клавишамъ на машинѣ „ИДЕАЛЪ“ требуется весьма легкій. Особенно пригодна машина „ИДЕАЛЪ“ для писанія нѣсколькихъ экземпляровъ одновременно. — Прейсъ-куранты и образцы шрифтовъ безплатно.

Торг. Домъ Э. КИНКМАНЪ и К°., СПБ., Гороховая, 17. 715

Сканировал reduktor rutracker.org